

7011/19 XI 62

СОВ. СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИИ ВОСПРЕЩАЕТСЯ
Экз. №

Шифртелеграмма

Экз. № 1 РАЗМЕТКА	Экз. № 18-г	Мжаванадзе	Экз. № 35-г
№ 2-г	№ 19-г	Щербицкому	№ 36-г
№ 3-г	№ 20-г	Демичеву	№ 37-г
№ 4-г	№ 21-г	Ильичеву	№ 38-г
№ 5-г	№ 22-г	Пономареву	№ 39-г
№ 6-г	№ 23-г	Шелепину	№ 40-г
№ 7-г	№ 24-г	Громько	№ 41-г
№ 8-г	№ 25-г	Малиновскому	№ 42-г
№ 9-г	№ 26-г	Пушкину	№ 43-г
№ 10-г	№ 27-г	Поддубову	№ 44-г
№ 11-г	№ 28-г	Смирновскому	№ 45-г
№ 12-г	№ 29-г	Копия	№ 46-г
№ 13-г	№ 30-г	Ю Отдел	№ 47-г
№ 14-г	№ 31-г	В дело	№ 48-г
№ 15-г	№ 32-г		№ 49-г
№ 16-г	№ 33-г		№ 50-г
№ 17-г	№ 34-г		№ 51-г

Из ГАВАНЫ № 52618 пол. 17 час. 55 мин. 18 XI 1962г.

52622 52620 52621
52619 52623

Спец. № 1842-1847

ВНЕ ОЧЕРЕДИ

Ц К К П С С

К нашему № 1837. 15 ноября, как я уже сообщал, посол Алексеев дал обед. Перед обедом и во время него шла оживленная беседа. Фидель Кастро в начале разговора сказал, что его ужасно обеспокоил рассказ Н.Хименеса о беседе со мной. Он добавил: "Кто же, кроме Вас и лучше Вас может выполнить эту миссию! Если Вы не можете этого сделать, то получается, что это вообще невозможно. А все мы знаем, что это не так. У нас с Вами старая, крепкая дружба и доверие".

Телера. подлежит возврату в Ю-К отдел МИД СССР

Фидель и его друзья будучи взволнованы рассказом Хименеса всячески старались создать еще более теплую и дружескую обстановку. Я сообщил кубинским товарищам о телеграмме Н.С.Хрущева, сказал им, что он и все наше руководство постоянно внимательно следят за ходом наших бесед. Откровенно рассказал им, что считал было свою миссию в основном выполненной, написал об этом в Москву, собирался уехать через 2-3 дня, но из телеграммы узнал, что несмотря на то, что 19-го начинается Пленум ЦК, товарищ Хрущев и Центральный Комитет полагают необходимым чтобы я еще задержался на Кубе для того, чтобы пока кризис в районе Карибского моря еще окончательно не ликвидирован, поддерживать контакт и консультации на высоком уровне между партиями.

Сообщил кубинским товарищам о нашей позиции по ИЛ-28.

Передал, что наряду с переговорами, которые ведет в Нью-Йорке товарищ Кузнецов, продолжающий настаивать на том, что мы против вывода ИЛ-28, наш посол в США Добрынин через доверенных лиц президента Кеннеди начал конфиденциальные переговоры с целью добиться следующего: американцы сейчас же должны снять карантин, прекратить полеты самолетов США над Кубой, зафиксировать взаимные обязательства, вытекающие из посланий Кеннеди и Хрущева от 27 и 28 октября, для чего представители стран, берущих обязательства, составят соответствующий документ с участием У Тана. Подчеркнул, что ставя эти требования Хрущев учел условия, которые выдвинул во время последней беседы Фидель Кастро.

Рассказал кубинцам, что доверенное лицо Кеннеди сообщило, что президент согласен на то, чтобы к определенному, заранее объявленному сроку, Советский Союз вывез бомбардировщики ИЛ-28 и в день достижения такой договоренности США снимут карантин. Представитель Кеннеди подтвердил, сказал я кубинцам, что обо всем этом можно было бы объявить одновременно.

Я сказал кубинским товарищам, наш представитель действуя по тем же каналам, добивается, чтобы сразу же после принципиальной договоренности о выводе самолетов ИЛ-28 американцы сняли бы блокаду, не дожидаясь вывода ИЛ-28, а также прекратили бы полеты над Кубой и пр.

Фидель Кастро выразил удовлетворение ходом этих конфиденциальных переговоров, но заметил, что вопрос о полетах американских самолетов не следует связывать теперь с вывозом бомбардировщиков ИЛ-28, поскольку мы уже договорились, что Куба пошлет по вопросу о полетах заявление У Тану. Тут он сказал, что несколько часов назад он направил У Тану такое послание.

Я выразил удивление тем, что меня не известили о таком письме до отправки его У Тану.

Фидель Кастро сказал на это следующее: "Мы говорили с Вами во время последней встречи о том, что следовало бы предупредить США через У Тана. Ракеты уже вывезены. Я не мог больше терпеть и, побывав сегодня у зенитчиков сказал, им, что с воскресенья или может быть субботы мы будем отк-

рывать огонь по всем американским военным самолетам, которые будут летать над аэродромами, портами и военными базами, конечно, только в тех случаях, когда средства нашей зенитной артиллерии располагают необходимой дальностью стрельбы.

В письме У Тану не указан срок, начиная с которого будет открываться стрельба и фактически нет приказа делать это до воскресенья.

Я, продолжая свое сообщение о телеграмме Н.С.Хрущева, отметил, сославшись на нее, что мы добиваемся по конфиденциальным каналам от Кеннеди прекращения облетов кубинской территории американскими самолетами. Напомнил кубинцам, что мы во время предыдущей беседы согласились с ними о том, что самое главное в настоящий момент - добиться снятия карантина, не допуская инспекции территории Кубы. Сказал, что в ближайшие дни, то есть именно тогда, когда намечается договоренность по снятию блокады, самим кубинцам выгодно воздержаться от стрельбы по американским самолетам.

Фидель перебил меня и сказал, что он уже сообщил о своем решении зенитчикам и "теперь ни в коем случае не может отменить своего решения". Он добавил, что, по его мнению, ни одна социалистическая страна никогда не допускала и не допустит безнаказанных облетов своей территории.

Я возразил, отметив, что были случаи, когда мы знали о нарушениях нашего воздушного пространства иностранными самолетами, но в определенных обстоятельствах из тактических соображений их не сбивали, хотя и располагали средствами для того, чтобы их сбить, и не объявляли о таких облетах.

Фидель спросил - как же Вы будете выводить с Кубы ИЛ-28, когда Ваши люди заявили в Нью-Йорке, что эти самолеты переданы кубинцам?

На это я ответил, что в письме ко мне товарищ Хрущев пишет, что имеет в виду, как только будет достигнута договоренность с Кеннеди о снятии карантина и прочем, сделать заявление о выводе бомбардировщиков с Кубы, которое будет согласовано с кубинцами.

Следует отметить, что когда мы говорили о необходимости зафиксировать в ООН взаимные обязательства, взятые Хрущевым и Кеннеди в посланиях 27 и 28 октября, я подчеркнул, еще раз, что мы одержали большую победу, а американцы получили шок, от которого не могут оправиться до сих пор. В связи с этим Гевара выразил сомнение - стоит ли придавать большое значение обещаниям Кеннеди, ссылаясь на то, что он, как и Джонсон еще до 22 октября говорили, что США не будут нападать на Кубу. То же самое Кеннеди говорил, заметил Гевара, и перед самым вторжением интервентов у Плайя Хирон.

На это я им подробно разъяснил, что одно дело, когда президент по какому-либо поводу заявляет, что он не собирается нападать - он может через неделю сказать и обратное, избрав для этого какой-либо повод. Другое дело, когда это обязательство американской стороны зафиксировано в обменных посланиях глав двух государств и приобретает характер международной договоренности. И уже совсем иное дело, когда такая договоренность будет поднята до уровня

Объединенных Наций, будет одобрена и зафиксирована Советом Безопасности. Это уже будет документ международной важности, нарушать который не всякий правитель и не всегда осмелится. Нельзя проявлять нигилизм в отношении международных обязательств и международных соглашений из-за того, что — де нельзя верить буржуазии. Это равносильно отрицанию мирного сосуществования двух разных социальных систем, более того, отрицание значения международных договоров было бы равносильно отрицанию мирной жизни между государствами.

Конечно, возможно, что какой-нибудь новый президент, в какой-то новый период попытается нарушить это обязательство США, но это почти невозможно для Кеннеди, пока он является президентом, как мы понимаем, Кеннеди имеет значительные шансы быть избранным на второй срок. А это означает, что в течение лет шести будут действовать гарантии в отношении Кубы. Это большой срок для революционеров. За это время Куба окрепнет и международное соотношение сил еще больше изменится в пользу социализма, в ущерб империализму. Эти мысли, подсказанные тов. Хрущевым, я излагал подробно, и, как мне казалось, для них убедительно.

Гевара же задал и второй вопрос: "Не думаете ли Вы, что империалисты, оправившись после полученного шока, теперь решат, что Советский Союз вообще не начнет ядерной войны в защиту своих требований или требований дружественных стран?"

На это я сказал им следующее.

Случайно ли, что ни Кеннеди, ни Раск не кричат о своей победе и поражении СССР в результате кубинского кризиса и, более того, уговаривают корреспондентов не писать в таком тоне.

Если бы был прав т.Гевара — они должны были бы шуметь о победе, но они этого не делают, так как понимают, что нет у них победы. Если бы они чувствовали себя победителями разве они не осуществили бы свою угрозу по блокаде — подниматься на борт наших судов и проверять все грузы? А ведь на борт ни одного корабля за все это время американцы не поднимались.

Тут Гевара подал реплику, что на борт одного корабля будто бы поднимались американские наблюдатели и обыскали его. Я решительно отклонил такую версию, заявил, что мне не понятно, чьей информацией пользуется т. Гевара.

Тут Фидель и другие кубинцы закивали в знак того, что они поддерживают в этом меня, а не Гевара.

Я добавил, что была попытка, предпринятая одним американским военным кораблем под угрозой применения оружия подняться на борт наших двух кораблей, уходивших с Кубы с оружием.

Наши капитаны отклонили такое требование, мы заявили протест американскому правительству не публикуя его, а американцы не осмелились осуществить свою угрозу.

Если бы американцы чувствовали себя победителями, то они вели бы себя иначе. Ведь они имели некоторые основания настаивать на наземной инспекции, чтобы проверить

Факт демонтажа ракет и требовать инспекции погрузки ракет на корабли. Однако они ограничились нашими заявлениями о демонтаже /правда, фактически подкрепленными данными фотографирования воздушной разведкой/.

Я отметил, что т. Хрущев подчеркивает, что наземной инспекции на Кубе не было и быть не может, поскольку это неприемлемо для правительства Кубы. Это произвело на них большое впечатление.

Американцы, говорил я далее, ограничились визуальным наблюдением находившихся на бортах кораблей ракет и не осмелились требовать захода на борт судов для проверки. Разве все это вместе взятое - недостаточное доказательство, чтобы опровергнуть мнение т. Гевара?

Американцы так поступают потому, что боятся ядерной войны, ибо знают какова гигантская ядерная мощь советских дальних ракет имеется в Советском Союзе, знают, что она может уничтожить США. Наша сила не в ракетах, снятых с Кубы, а в этой мощи. Это знает весь мир и тот факт, что мы спасли мир от угрозы ядерной войны, отстояв Кубу, подняло авторитет Советского Союза как миротворца.

Я приводил при этом еще и другие **Дополнительные** аргументы в частности, связанные с доктриной Монро, соглашением в Рио-деЖанейро и фактическим признанием **сейчас** со стороны США и других стран допустимости существования коммунизма на американском континенте. Они выслушали с большим вниманием, чувствовалось, что это до

них доходит. Никаких замечаний к моему ответу они не сделали.

Я сказал также Фиделю и всем присутствовавшим, что очень ценю внимание кубинцев и не раз писал в ЦК, т. Хрущеву об этом внимании, что они меня сильно поддержали в моем личном горе и что я им очень благодарен за это.

Затем я, подчеркнув, что чувствую себя среди настоящих друзей и хотел бы рассказать о некоторых своих переживаниях, рассказать о некоторых психологических моментах. Затем я рассказал о тех моментах, о которых сообщал во вчерашней телеграмме /история с мнимыми расхождениями в протоколе, отсутствие в течение двух дней намечавшихся ранее встреч/, заметил, что даже работники протокола, обслуживающие резиденцию, спрашивали сегодня у сопровождающих меня лиц относительно дня моего отъезда. В смущении они, как я уже сообщал, объяснили создавшееся положение болезненным состоянием Фиделя и Дортикоса, а Рауль Роа, так же смутившись, ответил, что никаких указаний о подробном зондаже о времени моего отъезда с его стороны не могло и быть.

Вы т. Фидель чувствовали себя плохо и Дортикос тоже, заметил я; я еще это понимаю, но почему не мог бы со мной встретиться, например, т. Гевара? Я предполагаю нанести ему визит завтра в удобное время, скажем после обеда вместе с т. Титовым, тем более, что когда Гевара был в Москве, он нанес визит мне. Гевара тут же ответил, что он был бы очень рад нашему визиту и лучше с утра.

Кубинские друзья в результате этой части беседы почувствовали, что не только они имели какие-то свои основания обижаться в связи с "психологическими моментами", и всячески старались загладить свое нетактичное поведение. /Получалось, что были больны, мне не могли уделить времени, а послание У Тану направили/.

Во время самого обеда велась живая беседа, кубинцы много шутили, задавали вопросы, внимательно слушали мои высказывания. К концу обеда я сказал: "Если Вы хотите искать лучших друзей - не ищите - лучших друзей, чем мы Вам не найти. Мы самые близкие и надежные Ваши друзья".

Фдель Кастро и другие кубинцы дружно кивали головой, тепло улыбались, поддерживая сказанное мной.

Перед уходом кубинских товарищей я, чувствуя подходящее настроение Фиделя, обратился к нему один на один и спросил: не будет ли дальнейшее мое пребывание на Кубе ему в тягость. Он обнял меня и сказал, что я не должен его обижать такими словами.

Вся встреча в целом прошла в ровной, подчеркнута дружеской с их стороны атмосфере и мы, естественно отвечали тем же.

17.XI.62 г. А.МИКОЯН

СПРАВКА: № 1837-1839 /вх. № 52446/ от 17.XI.62 г.
т.Микоян информировал о своих впечатлениях в связи со встречами с кубинскими друзьями, о встрече с Нуньесом Хименесом, а также о состоявшейся 15 ноября обеде с Фиделем Кастро, Дортикосом и другими кубинскими руководителями.

31-экз.нд
Отпеч. 18.XI.20.05
Выпустил Кабанов

верно:

